

Выступление Джулиана Лоуэнфельда, американского поэта, известного своими переводами А. С. Пушкина.

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.

Fountain of love, Fountain alive!
As gift to you I've brought two roses.

Прежде всего в жизни нужна благодарность. Пушкин писал Жуковскому: "...назовите меня хоть взбалмошным, хоть ветреным, но только не неблагодарным". Когда мы забываем быть благодарными за то, что имеем, мы уже ничего не имеем. Давайте поблагодарим Александра Бондарева (директора Центра. – Ред.) и всех, кто с ним так усердно трудился, чтобы создать прекрасное сегодняшнее торжество. Также хочу с любовью благодарить свою чудесную наставницу, Надежду Семеновну Брагинскую, литературоведа, пушкиниста, – сегодня ее день рождения! Спасибо вам, дорогая, от всей души! Надежда Семеновна не смогла приехать сегодня, но велела передать вам, что Пушкин не только "наше всё", путеводная звезда русской литературы, но еще великий народный поэт, притом что он дворянин с древнейшей родословной. Он совместил в себе честь, блеск и благородство просвещенного аристократа с несказанной "всемирной отзывчивостью русской души". Его гармония наполнена теплом и милосердием, к которым нужно в преданном изумлении тянуться всю жизнь.

Ныне, увы, не все тянутся к его теплу. Когда художников сменили "продюсеры" и эстетику сменили "рейтинги", когда на телевизионном экране вино поэзии превращается в духовную "кока-колу" и мысли только о цене напитка, обесценивается искусство и само собой возникают сомнения – актуален ли Пушкин еще?

Нас мало избранных,
счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной
пользой,
Единого прекрасного жрецов.

So we're but few, we chosen,
happy idlers,
Who of mere "use" neglectful and
disdainful
Are high priests of the One, the Beautiful.

Жрецы Единого Прекрасного лечили не зельями, а стихами, веря в целительную силу молитвенной поэзии, а Пушкин – в высшей мере такой целитель. Пушкин – Евангелие в стихах,

духовное противоядие от окружающей нас пошлости и уныния. Вот как Пушкин сам себя определил.

Небесного земли свидетель,
Воспламененною душой,
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой
И неподкупный голос мой.
Был эхо русского народа.

Of heaven's realm on Earth a witness
With all within my soul on fire
I sang before the throne of goodness
That warmth and beauty did inspire.
And love and secret inner freedom
Taught my heart hymns and honest tales.
My voice, which never was for sale,
Expressed the Russian people's yearning.

Пушкин – “солнце русской поэзии” и поэт русской души потому, что он – чистейший проводник любви:

Мне грустно и легко;
Печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит –
оттого,
Что не любить оно не может.

My melancholy's light;
My melancholy's full entirely
Of you and just of you...
This gloominess of mine

Nothing's tormenting,
nothing's moving.
My heart again burns up
with loving, because – why?
It simply cannot not be loving.

“Нет истины, где нет любви”, сказал Пушкин. И нет любви, где нет Свободы. Именно поэтому:

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

We wait each minute, longing, longing,
For Freedom's sacred fleeting bliss
The way young lovers fret
 while counting
The minutes to a secret tryst.

Звучит – как будто вчера написано. А сегодня мы собрались у памятника, у которого, даст Бог, и в зной и в леденящие морозы будут всегда живые цветы. Памятник этот, как и знаменитый памятник на Тверской в Москве, символизирует нерушимую преданность русского народа великому Пушкину. Но главный памятник поэту не стоит на улице, а хранится здесь, в сердце каждого из нас.

Стихотворение Пушкина “Памятник” является своего рода импровизацией на тему, заданную Горацием в своей великой XXX оде *Elegi Monumentum*. Гораций сказал:

Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом...

Пушкин ответил:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слава Пушкина не зависит от мишуры тленной политической власти. Сама Поэзия, как ангел-утешитель, бережет ее. И “пока сердца для чести живы”, у нас, у того самого главного памятника Пушкину – в сердце, останутся две розы, принесенные нам поэтом в дар: “любовь и тайная свобода”.

26 мая 2012